

От зоосада к зоопарку: Московский зоологический сад в первое послеоктябрьское десятилетие

О.П. БЕЛОЗЕРОВ

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва,
Россия; o.belozerov@inbox.ru

В статье рассматривается послереволюционная история Московского зоологического сада (с 1925 г. — Московский зоопарк), одного из старейших научных учреждений России. Первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 г. было в истории зоосада особенным во многих отношениях. С одной стороны, в первые послереволюционные годы он пережил сильнейшую нехватку кормов и финансовых средств и был на грани исчезновения. С другой, смена владельца (изначально собственность Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений, в 1919 г. он стал государственным учреждением) открыла перед садом новые, немислимые ранее возможности. Именно в это время сад приобрел многие современные черты: новое имя, новую территорию, новую структуру. Написанная на основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, статья расширяет наше знание о том, как происходила адаптация сада к новым политическим, социальным и экономическим условиям.

Ключевые слова: Московский зоологический сад, Московский зоопарк, М.М. Завадовский, Лаборатория экспериментальной биологии, Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений.

Московский зоологический сад (после 1925 г. — зоопарк) — одно из старейших научных учреждений нашей страны, однако нельзя сказать, что его история изучена достаточно хорошо. Вплоть до недавнего времени существовало некоторое количество обзорных работ, мемуаров, отчетов, путеводителей, отражавших те или иные стороны и периоды его жизни, однако какой-то целостной картины они не давали. Ситуация заметно изменилась к лучшему, когда в 2004 г. увидел свет объемный том «Московский зоологический парк: к 140-летию со дня основания. Страницы истории», явившийся первой попыткой рассмотреть *всю* историю зоосада-зоопарка с момента его основания и до наших дней (Московский..., 2004). Однако при всех своих несомненных достоинствах (а есть и недостатки) и этот труд далеко не исчерпал затронутую в нем тему.

В данной статье будет еще раз рассмотрен один из ключевых периодов истории Московского зоосада — 1917-й и первые послереволюционные годы. Тогда смена государственного строя и последовавшая за этим хозяйственная разруха поставили его буквально на грань исчезновения. С другой стороны, произошедшая тогда смена собственника и адаптация к новым условиям открыли перед ним ряд возможностей, о которых раньше можно было только мечтать. Именно тогда зоосад приобретает многие современные черты: новое имя (зоопарк вместо зоосад), новую территорию, новую структуру. Эта тема не была обойдена авторами вышеупомянутой книги, существует также специально посвященная этому вопросу брошюра одного из директоров зоопарка, С.А. Новикова (1928). Автору данной статьи, однако, известен ряд не отраженных в этих работах материалов, которые дополняют историю зоосада-зоопарка первого послеоктябрьского десятилетия, и которые он хотел бы предложить вниманию читателя.

За свою более чем полувековую к 1917 г. историю Московский зоологический сад испытал и взлеты, и падения. Открытый в 1864 г. Русским обществом акклиматизации животных и растений при финансовой и моральной поддержке императорской семьи

и с большой симпатией встреченный общественным мнением, он после яркого дебюта стал постепенно вязнуть в трясине различных проблем, прежде всего финансовых. Уже к началу 1867 г. долг сада вследствие неэффективного управления достиг почти 60000 рублей. Принятая мера — изменения формы управления (вместо коллегиального правления садом стал руководить заведующий) — не дала результатов несмотря даже на то, что часть долга была покрыта великим князем Николаем Николаевичем, и 1871 г. зоосад встретил практически с теми же долгами, что и 1867 (Кулагин, 1900, с. 34). В 1871—1874 гг. под энергичным руководством Д.Н. Анучина его положение стало понемногу выправляться, однако достигнутые успехи были перечеркнуты неудачной сдачей зоосада в 1874—1878 гг. в аренду отцу и сыну Рябининым, которые довели его до разрухи.

Особой комиссии уполномоченных, которой было передано заведование зоосадам после Рябининых, пришлось приложить немало усилий, чтобы привести его в относительный порядок. Достижению этой цели немало способствовала акклиматизационная выставка, состоявшаяся 27 июля — 27 августа 1878 г., благодаря ей у сада «прибавилось несколько необходимых помещений, экспоненты увеличили своими пожертвованиями коллекцию его животных; публика охотно посещала сад и внимательно следила за объяснениями выставленных предметов» (Кулагин, 1900, с. 57). Одновременно с устройством выставки по предложению А.П. Богданова в зоосаде была организована научная зоологическая лаборатория, которую возглавил А.А. Тихомиров. Эта лаборатория просуществовала до 1886 г. и была закрыта в связи с недостатком средств и сдачей ее помещения в аренду.

В последующие годы вплоть до 1917 г. зоосад находился в относительно удовлетворительном состоянии, хотя были и кризисные периоды, как, например, «черный» 1883 г., когда доходы сада упали до рекордно низкого уровня — 4296 рублей (Московский..., 2004, с. 40), или 1905 г., когда во время первой русской революции на Пресне происходили вооруженные столкновения, и зоосад сильно пострадал — «был разрушен только что открытый Аквариум, сгорели архивы и ценнейшая библиотека, собиравшаяся десятки лет. Были сожжены здания у входа, полуразрушены входные ворота, здание бактериолого-агрономической станции, пало много животных от травматических повреждений и шока» (там же, с. 52). Однако две революции в 1917 г. и последовавшая за ними хозяйственная разруха нанесли ему гораздо более сокрушительный удар. Уже в феврале 1918 г. правление зоосада признало, что оно «не имеет возможности кормить животных». Обращения за помощью в местную районную думу были безрезультатны, и правление было вынуждено приступить к распродаже животных (Зоологический сад, 1918). К лету того же года ситуация ухудшилась уже настолько, что оно не видело иного выхода из ситуации, кроме как самому выступить инициатором национализации сада. Этот процесс был запущен письмом образованного по такому случаю Временного комитета по национализации и управлению Московского зоологического сада комиссару народного просвещения от 17 июля 1918 г., которое содержало констатацию того, что «в течение года Управлению Московского Зоологического Сада и Комитету служащих приходилось напрягать чрезвычайные усилия, чтобы спасти Сад от гибели. Полное отсутствие средств у владельца Сада Русского Общества Акклиматизации, невозможность покрыть быстро растущие вследствие дороговизны расходы пропорциональным увеличением входной платы привели к тому, что были моменты, когда у Сада решительно нечем было кормить животных, нечем было платить скудное жалование служащим» и вывод-призыв: сад «должен быть НАЦИОНАЛИЗИРОВАН» (выделено в оригинале. — *О. Б.*)¹.

Поднимая вопрос о национализации, владелец зоосада, Русское общество акклиматизации животных и растений, сформулировало и условия, на которых оно хотело

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 48. Л. 1.

бы передать зоосаду государству, учитывая свою потерю того, «что в течение 54 лет находилось в его распоряжении и использовании и как известного рода весьма ценное имущество, и как определенное поле деятельности»². В частности, речь шла о возмещении материальных потерь «по справедливой оценке», предоставление обществу помещений для заседаний, канцелярии и библиотеки, обеспечение возможности создания зоотехнических и ботанических научно-прикладных учреждений, лабораторий, питомников, предоставление членам общества прав избрания в состав будущего комитета Зоологического сада и бесплатного входа в сад³. Устами тогдашнего директора зоосада Ю.А. Белоголового оно также изложило свои пожелания к дальнейшему развитию этого учреждения. Они включали переход на комплектование коллекций зоосада в соответствии с определенными программами (систематической, русской фауны, «биологической», сельскохозяйственной и др.), организацию лекционно-экскурсионной службы, активизацию издательской деятельности, организацию «хорошо обставленной» лаборатории для исследований в области экспериментальной биологии и библиотеки. Управление зоосадом предлагалось передать специальной коллегии, в состав которой должны входить зоологи различного профиля, специалисты по содержанию животных, охотоведы, зоотехники, специалисты по техническим вопросам, связанным с эксплуатацией зоосада (архитекторы, ботаники, инженеры, художники, декораторы), администраторы. Избираться эта коллегия должна была учеными обществами и учреждениями, среди которых Общество акклиматизации обладало бы преимуществом. Текущие же дела решал бы комитет сада в составе директора, заведующих отделами, представителей служащих, ведомств и «культурно-просветительных отделов местного районного и центрального совдепов»⁴. Отдельно Белоголовый остановился на реорганизации территории зоосада: программа-минимум предусматривала присоединение к нему некоторых прилегающих территорий, программа-максимум — перенос сада в другое место (среди наиболее вероятных кандидатов назывались Нескучный сад и Измайловский зверинец). Наконец, в зоосаде будущего «никакие театральные и тому подобные развлечения недопустимы», в лучшем случае этнографические демонстрации, «организация приездов представителей различных племен и народов с их характерной обстановкой жизни»⁵.

В качестве экстренной помощи Наркомпрос выделяет зоосаду субсидию в размере 280 000 рублей, а для решения вопроса о национализации организывает обследование зоосада специальной комиссией в составе представителя Научного отдела комиссариата М.Г. Зейднера, Г.А. Кожевникова, Л.С. Берга, Б.М. Житкова и Ю.А. Белоголового (работала 24 июля 1918 г.). Выводы комиссии, состоящей практически исключительно из биологов (и членов Общества акклиматизации), по сути, повторяли мнение Общества, выраженное ранее Белоголовым. В целом солидаризовались с ними и независимые эксперты, чье мнение Наркомпрос, очевидно, считал заслуживающим внимания (биолог И.И. Иванов, артист и дрессировщик животных В.Л. Дуров, ветеринарный врач Я. Тоболкин, много лет работавший в зоосаде и хорошо знавший его изнутри). Отдельно стоит упомянуть экзотическое, но, очевидно, согласующееся со знакомой ему артистической практикой предложение Дурова разбить всех животных зоосада на несколько групп и ездить с ними по разным городам, зарабатывая тем самым им на пропитание.

² ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 48. Л. 7.

³ Там же. Л. 7 об. — 8.

⁴ ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 13. Д. 48. Л. 16 об.

⁵ Там же. Л. 18.

В августе 1918 г. Наркомпросом была образована Комиссия по выработке положения об управлении Московским зоологическим садом, в которую вошли представители комиссариата, МОИП, ОЛЕАЭ, Моссовета, Пресненского совдепа и, конечно, Общества акклиматизации и самого сада. В ее рамках вопрос о необходимости именно *национализации* (а не *муниципализации* — передачи зоосада в ведение города, или просто ассигнования зоосаду крупных средств) был поднят еще раз и снова решен в пользу национализации, также было выработано «Положение об управлении Государственным Московским зоологическим садом». Согласно ему, общее руководство этим учреждением поручалось *совету*, в состав которого входили представители научных и культурно-просветительских организаций, заинтересованных в деятельности сада, а также представители его администрации и служащих. Вся деятельность зоосада должна была протекать в рамках трех секций: научной, культурно-просветительной и административно-хозяйственной. Первую возглавляет лично директор зоосада, две остальные — соответствующие заведующие. Непосредственное управление осуществляет *правление*, избираемое советом. В него входят директор, заведующие секциями, представитель отдела народного просвещения Московского совдепа и два представителя служащих сада (один с решающим голосом и один с совещательным)⁶. Принятие этого положения означало крушение надежд Общества акклиматизации на эксклюзивное место в обновленном зоосаду, выраженное в упомянутой выше докладной записке Ю.А. Белоголового. В совете зоосада оно получало всего один голос из 25, что сводило его влияние практически к нулю. Это, а также то, что наука в правлении была представлена только директором (ранее предполагалось участие одного представителя ученых обществ), вызвало возражение председателя общества Г.А. Кожевникова⁷, не имевшее, впрочем, никаких последствий.

В феврале 1919 г. дело о национализации сада выходит на финишную прямую: 24 февраля Научный отдел Наркомпроса выносит этот вопрос на заседание коллегии комиссариата, а 27 марта 1919 г. СНК ставит в этом деле окончательную точку, приняв соответствующий декрет⁸. В качестве кандидатов на новые руководящие посты зоосада первоначально предлагались зоолог М.А. Мензбир (заведующий научным отделом), художник-анималист В.А. Ватагин и В.Л. Дуров (культурно-просветительный отдел), Н.А. Иванов (административно-хозяйственный). Однако в итоговый список вошел только Иванов (и то для того, чтобы быть освобожденным от должности уже через два месяца⁹), заведующим научным отделом (и одновременно директором) стал А.Ф. Котс, культурно-просветительным — Ф.Е. Рыбаков¹⁰.

На какое-то время положение зоосада стабилизировалось: удалось наладить его регулярное снабжение и финансирование, навести порядок в административном аппарате учреждения, работа которого до того была парализована внутренними конфликтами, увеличить численность и видовое разнообразие представленных в саду животных. Однако в 1922 г. он вступил в новую полосу кризиса, на этот раз в связи с развертыванием Новой экономической политики. О глубине кризиса можно судить по словам, которыми правление зоосада открывает свою докладную записку в Наркомпрос от 22 июня 1922 г.:

⁶ ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 48. Л. 95—96 об.

⁷ Там же. Л. 113—113 об.

⁸ Центральный государственный архив Московской области (далее ЦГАМО). Ф. 4557. Оп. 1. Д. 307. Л. 84.

⁹ ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 114. Л. 5—5 об., 25 об. — 26.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

«Желая снять с себя ответственность за гибель одного из крупнейших центральных научно-просветительных учреждений республики, правление 1-го ГОСУДАРСТВЕННОГО МОСКОВСКОГО ЗООЛОГИЧЕСКОГО САДА считает необходимым изложить картину настоящего состояния Сада и во всем объеме поставить перед соответствующими центрами вопрос о существовании Сада и уже вполне реально угрожающей ему гибели, а равно и тех решительных мерах, которые одни могут сохранить Сад» (выделено в оригинале. — *О.Б.*)¹¹.

Как следствие зоосаду пришлось наполовину сократить пищевые рационы животных, свести до минимума отопление зданий, оставаться при сокращенном штате в 80 человек при норме в 223, причем встал вопрос о сокращении на 50 % даже этих 80. В качестве частичной компенсации, правда, он получил в свое распоряжение в Воскресенском уезде¹² имение «Огниково» и 730 десятин леса Фабрично-Поповской дачи, а также более близкий к Москве и удобный для использования в качестве кормовой базы совхоз «Троице-Лыково».

Неспособность руководства зоосада справиться с кризисом (в том числе из-за наличия трений между членами правления¹³, по-видимому, и стала основной причиной его отставки. Во всяком случае, точка зрения Главнауки была таковой, что смена руководства зоопарка необходима «в целях поднятия на должную высоту научной работы в I-м Государственном Московском Зоологическом Саду, упорядочения и укрепления хозяйственной базы его и коренного оздоровления взаимных отношений между работниками Зоосада»¹⁴. Решением Главнауки от 20 октября 1923 г. тогдашнее правление зоосада в составе А.Ф. Котса, Б.К. Фортунатова и Ю.В. Кубичека было отстранено от исполнения своих обязанностей. Новым директором зоосада и председателем правления стал М.М. Завадовский, прочими членами правления — представитель Моссовета И.И. Желтов, Н.М. Кизичев, И.К. Гудзь и В.И. Ауэрбах.

Директорство М.М. Завадовского — очень важный этап в послеоктябрьской истории зоосада. Как мы уже видели, «поднятие научной работы на должную высоту» было лейтмотивом многих попыток реформирования зоосада еще в дореволюционные времена, практически всегда безуспешных. Когда речь шла об элементарном выживании учреждения, научная работа приносилась в жертву первой. Однако Завадовскому удалось то, чего не удалось его предшественникам: сделать зоопарк одним из центров «большой», фундаментальной науки, получившим в том числе и международную известность, а также расширить его территорию, получить твердое финансирование — т. е. по сути выполнить программу, предлагавшуюся в докладной записке Белоголового.

Одним из первых шагов Завадовского на новом посту стала инициация передачи зоосада из ведения Наркомпроса в ведение Моссовета. Отвергнутый ранее вариант с муниципализацией зоосада в условиях НЭПа стал выглядеть более предпочтительно, ибо бесплатное натуральное снабжение от Наркомпрода прекратилось, а Наркомпрос «при своей финансовой бедности... едва мог удовлетворить в течение полугода приблизительно 1/50 часть годовой сметы Сада»¹⁵ (речь идет о первом полугодии 1922 г.). Передача состоялась в ноябре 1923 г., зоосад стал подчиняться Президиуму Моссовета, а непосредственное руководство осуществлял один из членов президиума, уже упомянутый И.И. Желтов¹⁶.

¹¹ ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 230. Л. 1.

¹² Его бывший уездный центр Воскресенск — ныне г. Истра.

¹³ Об этом упоминает М.М. Завадовский (1991, с. 147).

¹⁴ ГАРФ. Ф. А—2307. Оп. 1. Д. 216. Л. 66.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 19. Д. 230. Л. 5.

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 13. Д. 202. Л. 450.

В результате этой рокировки «впервые за последние 5 лет ЗООСАД получил твердый бюджет, достаточный для приобретения кормов и на уплату жалования рабочим»¹⁷ (выделено в оригинале. — *О. Б.*). В новом 1924 г. Завадовский провел решительную санацию всего учреждения, коснувшуюся как хозяйства, так и коллектива. Зоосад отказался от совхозов «Огниково» и «Троице-Лыково», оказавшихся в итоге убыточными, и получил взамен в пользование 50 десятин заливных лугов «высшего качества» в Бронницком уезде в качестве источника сена. Были упорядочены закупки кормов и топлива, отремонтирован обслуживающий зоосад обоз, введена карточная система регистрации животных, их приплода и условий содержания, территория зоосада очищена от накопившегося за несколько лет мусора, проведен текущий ремонт помещений. Особое внимание было уделено оздоровлению атмосферы внутри коллектива зоосада с его «нехорошими традициями», причиной чего были: жизнь служащих на территории зоосада, что создавало много поводов для личных ссор; наличие в зоосаде «частных зоологических садов» — подсобных хозяйств служащих, «которым отдавалось преимущество перед Государственным добром и которые кормились за счет Государственных средств»; частная торговля служащих продуктами у клеток с животными, в результате чего «забывались интересы учреждения»¹⁸. «Частные зоосады» и торговля были ликвидированы, взамен служащие получили увеличение заработной платы в два с половиной раза и восьмичасовой рабочий день.

Осенью 1924 г. по соглашению с Московским коммунальным хозяйством территория зоосада была увеличена за счет прилегающих Краснопресненского общественного сада (бывшего Морозовского) и участка, ранее занимаемого садоводством Виллар¹⁹, еще год спустя на новой территории началось строительство. Завадовский поставил своей целью изменить, где возможно, сам принцип экспозиции животных — переместить животных из клеток в среду, более похожую на естественные условия обитания. Самыми масштабными проектами в этой области стали построенные на новой территории «Остров зверей» — сооружение, имитирующее горный хребет и предназначенное для содержания хищных животных, и «Полярный мир», ставший домом для белых медведей. При реконструкции зоосада был учтен немецкий опыт²⁰ — в феврале-марте 1925 г. Завадовский совершил поездку в Германию с целью ознакомления с организацией зоопарков в этой стране, покупки животных и оборудования для зоосада, а также для знакомства с научно-исследовательскими центрами и ведущими учеными в области экспериментальной биологии. Он объездил «хорошую долю Германии» — Берлин, Лейпциг, Галле, Дрезден, Гамбург, Нюрнберг и ряд других городов, познакомился с Й. Мейзенгеймером, К. Фогтом, К. Корренсом, О. Варбургом, посетил лаборатории Р. Гольдшмидта, покойного В. Ру (на посту руководителя лаборатории его сменил Г. Штиве), В. Геккера. Из всех зоопарков наибольшее впечатление на него произвел Нюрнбергский — раскинувшийся за городом в прекрасном сосновом лесу с четырьмя озерами, он был организован по эстетическому принципу (Завадовский, 1991, с. 154). И хотя последовать примеру Нюрнберга в полном объеме в Москве было невозможно, относительные успехи в переходе Московского зоосада на «зоопарковую систему» были закреплены формально — в июле 1925 г. он был переименован в зоопарк²¹.

¹⁷ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 307. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 74, 76–77.

¹⁹ Там же. Л. 86, 87

²⁰ В частности, Завадовский попытался организовать, где это было возможно, содержание животных не в клетках, а открытых вольерах, в условиях, максимально приближенных к естественным.

²¹ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 409. Л. 34.

Открытие новой территории зоопарка, состоявшееся 3 октября 1926 г., стало крупным событием в культурной жизни Москвы и привлекло внимание большого числа горожан. Как писала на следующий день «Вечерняя Москва»:

«Вчерашний день был совершенно исключительным в истории Московского Зоопарка. Уже с утра трамваи и автобусы, идущие по направлению к Зоопарку, брались с боя. Шесть касс не могли справиться с тысячными толпами, и администрация парка, мобилизовав всех своих сотрудников для продажи билетов, открывала один за другим новые окна-кассы, спешно прорубаемые плотниками прямо в заборе. До 4 час. дня работало 11 касс, а публика, пользуясь прекрасным осенним днем, продолжала прибывать.

Всего за вчерашний день Зоопарк посетило до 30 тысяч чел., — цифра еще небывалая за все время существования зоопарка»²².

Благодаря грамотному управлению за время своего директорства Завадовскому удалось повысить посещаемость зоосада с 177 388 человек в 1923 г. до 1 087 489 человек за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г.²³ Росло и количество животных, например, с 1 октября 1926 г. до 1 октября 1927 г. оно увеличилось на 490 экземпляров²⁴. При нем в зоосаде в 1924 г. был организован знаменитый Кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ), ставший трамплином в науку для многих видных советских биологов. Его члены занимались наблюдением за жизнью животных зоосада, совершали экскурсии на природу, а также занимались секционной работой под руководством сотрудников зоосада. В год основания кружок насчитывал 56 человек (любопытно, что практически все (53) — мальчики) и 8 секций²⁵, к 1926 г. число членов снизилось до 40 членов (при 10 кандидатах), а число секций — до 4 (маммологическая, орнитологическая, энтомологическая и гидробиологическая)²⁶.

Однако любимым детищем Завадовского была, безусловно, Лаборатория экспериментальной биологии (ЛЭБ), ставшая осуществлением старой мечты биологов, связанных с зоопарком, о его превращении в полноценный научно-исследовательский центр. Она занимала второй этаж в здании, построенном в конце XIX века на средства С.В. Спиридонова для копытных (ранее здесь располагались зал заседаний Общества акклиматизации и его ветеринарно-биологическая лаборатория), и к 1925 г. состояла из «четырёх собственно лабораторных комнат, зала заседаний, библиотечной комнаты, комнаты для технического служителя и уборной», в штат лаборатории кроме директора входили два ассистента, лаборант и два служителя²⁷. Благодаря усилиям Завадовского, эта лаборатория за короткое время стала одним из ведущих исследовательских биологических центров СССР и получила известность не только внутри страны, но и за рубежом. Этому немало способствовало то обстоятельство, что с 1926 г. стали выходить «Труды Лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка»²⁸, ставшие для школы Завадовского основной трибуной, и был налажен обмен литературой со многими российскими и зарубежными научными центрами. Так, первый том «Трудов» был разослан в 49 зарубежных научных организаций и 152 зарубежным ученым, а второй — 42 и 131, соответ-

²² 30 000 человек в зоопарке // Вечерняя Москва. 1926. 4 октября. № 228 (836). С. 2.

²³ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 429. Л. 39; Там же. Д. 1519. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 1519. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 307. Л. 62–63.

²⁶ Там же. Д. 1515. Л. 61.

²⁷ Там же. Д. 560. Л. 9 об.

²⁸ Под этим названием вышло 5 томов, начиная с 1931 г. «Труды» выходили под названием «Труды по динамике развития».

ственно²⁹. Лаборатория Завадовского стала обязательным пунктом в программе визитов зарубежных биологов, прибывающих в Москву, среди ее гостей были такие известные биологи того времени, как П. Каммерер, Р. Гольдшмидт, К. Бриджес, Л. Данн, Г. Эванс, видный болгарский ученый А. Златаров и некоторые другие.

Именно в Лаборатории экспериментальной биологии оформилась оригинальная научная программа Завадовского и его школы — динамика развития организма. Она начала разрабатываться Завадовским в середине 1920-х гг. и приняла более-менее зрелый вид в начале 1930-х гг., когда вышла одноименная книга (Завадовский, 1931), ставшая для школы Завадовского одновременно и манифестом, и учебником. Целью динамики развития, в общих чертах, должно было стать изучение индивидуального развития организма, однако она не была синонимом эмбриологии или механики развития, имевших тот же предмет исследования. Завадовский полагал, что биологические дисциплины делятся на «динамические» и «статические». «Динамические» науки — физиология, механика развития, генетика и учение об эволюции — пользуются экспериментальными методами и изучают причины изменения живого; «статические» — анатомия и эмбриология — имеют своей целью изучение формы живого и пользуются описательными методами. Он считал, что три «динамические» науки — механика развития, генетика и эволюционное учение — настолько взаимосвязаны благодаря тому, что делают акцент на изменении, текучести живого, что для его более успешного познания их необходимо объединить в одну междисциплинарную отрасль знания, которая и получила название динамики развития организма. Говоря его словами: «Нам мыслится, что механика развития, генетика и учение об эволюции объединятся в единое целое, если жизненную форму и функцию данного момента рассматривать как звено непрерывной цепи явлений, если на форму и функцию взглянуть не со статической, а с динамической точки зрения... Изучение цикла превращений, начиная от яйцеклетки и до зрелого организма и от последнего до иначе построенного организма... по праву называется нами в целом учением о динамике развития» (Завадовский, 1931, с. 4–5).

В педагогической деятельности Лаборатории центральное место занимал коллоквиум. За первые пять лет ее существования (1924–1929) в рамках Лаборатории состоялось 165 научных заседаний, на которых сделан 101 доклад об оригинальных исследованиях и зачитано 310 рефератов (Труды..., 1929, с. 1). Сейчас трудно оценить, насколько велика была в то время группа Завадовского. Известно, например, что через большой практикум, организованный в Лаборатории экспериментальной биологии в 1926 г., за 3 последующие года прошло 28 человек (там же). Эта лаборатория, просуществовавшая до первой половины 1940-х гг. (в 1930 г. она была передана в состав Всесоюзного института животноводства и переименована в Лабораторию физиологии развития), стала настоящей кузницей первоклассных биологических кадров. Во второй половине 1920-х гг. двумя ассистентами Завадовского были Н.А. Ильин и Л.Я. Бляхер, здесь работали М.А. Воронцова, В.Ф. Ларионов, А.А. Передельский, Н.П. Козьмина, М.С. Резниченко, Б.П. Токин, М.С. Мицкевич, позднее — П.А. Вундер, Я.М. Кабак, И.А. Эскин, Г.В. Самохвалова, А.Л. Падучева и многие другие, эпизодически ресурсами лаборатории пользовались антрополог М.Ф. Нестурх и зоопсихолог Н.Н. Ладыгина-Котс.

Несмотря, однако, на все научные успехи Завадовского, его директорство нельзя было назвать спокойным. В феврале 1925 г. в связи с тем, что прежний куратор зоопарка, член президиума Моссовета И.И. Желтов был отстранен от работы «как участник одной из оппозиций» (Завадовский, 1991, с. 158), зоопарк был передан из ведения президиума Мос-

²⁹ ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 1515. Л. 68–69.

совета в ведение Московского коммунального хозяйства³⁰ — органа, ответственного за водопровод, канализацию, вывоз мусора, благоустройство города и т. д. Это изменение административного подчинения Завадовский встретил с опаской³¹ и, как оказалось, не зря. Если с главой МКХ Ф.Я. Лавровым ему удалось найти общий язык, то с руководством Административного отдела МКХ, непосредственно курировавшим зоопарк, отношения сложились откровенно напряженные. Причиной этого было и непонимание административным отделом специфики работы зоопарка как научного учреждения, и неудачная организации управления зоопарком, когда возникло своеобразное двоевластие: директор зоопарка на одной стороне, Административный отдел МКХ — на другой. Особое беспокойство Завадовского вызывала судьба Лаборатории экспериментальной биологии, так как Административный отдел не видел смысла в существовании в зоопарке научно-исследовательской лаборатории академического типа, не связанной напрямую с его практическими нуждами. Отсюда постоянно предпринимавшиеся попытки либо изменить профиль лаборатории, сделать ее придатком зоопарка, обслуживающим его практические надобности (например, занимающимся практической паразитологией), либо выжить ее из зоопарка.

В поисках поддержки Завадовский обратился к влиятельному партийному функционеру, главному редактору «Известий» И.И. Скворцову-Степанову, при одобрении которого в этой газете появился фельетон в его защиту (Рыклин, 1927). Тем не менее влияния Скворцова-Степанова оказалось недостаточно, чтобы предотвратить увольнение Завадовского две недели спустя. С 1 апреля 1927 г. директором зоопарка стал С.А. Новиков³², который представил следующий мотив смены руководства: «Зоопарк слишком вырос, чтобы во главе его можно было оставлять беспартийного человека» (Завадовский, 1991, с. 159). Завадовский сохранил за собой пост директора Лаборатории экспериментальной биологии и заведующего научным подотделом зоопарка³³.

Так завершилось для Московского теперь уже зоопарка первое послеоктябрьское десятилетие. В целом его послеоктябрьская история достаточно характерна для научных учреждений той поры. Подобно многим он сильно пострадал от послереволюционной разрухи, обратился за помощью к новой власти и получил ее, государственная поддержка способствовала оживлению его жизни и возникновению в его стенах нового научного направления; затем относительно либеральный контроль верхов сменился более жестким и навязчивым, начало культурной революции привело к усилению идеологического давления и смене руководства. Были, правда, и некоторые особенности. В отличие от многих других организаций, которым пришлось пережить реформирование по жесткому сценарию с радикальными реорганизациями и увольнением неугодных, «встраивание» зоосада в новую жизнь было относительно безболезненным. Объясняется это в первую очередь добровольностью передачи зоосада государству его прежним владельцем, что одновременно было и выражением лояльности новой власти, и отводило угрозу прямых репрессий. К тому же ценность его как учреждения в первую очередь культурно-просветительского для возникающего «нового мира» никем не оспаривалась. С другой стороны, в его жизни большую роль играл не идеологический, а хозяйственный конфликт, связанный с тем, что зоосад находился в подчинении не у научного, а у хозяйственного органа, не видевшего смысла тратить на науку. Но как бы то ни было, в отличие от породившего

³⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 13. Д. 243. Л. 233 об.

³¹ Архив РАН. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.

³² ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 479. Л. 16.

³³ Там же.

его общества зоопарк выжил и на некоторое время даже стал одним из ведущих биологических научных учреждений Советской России — СССР.

Литература

- Завадовский М.М.* Динамика развития организма. М.: Медгиз, 1931. 475 с.
- Завадовский М.М.* Страницы жизни. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. 336 с.
- Зоологический сад // Новое слово. 1918. 30 января (12 февраля). № 13. С. 4.
- Кулагин Н.* Материалы по истории Зоологического сада с 1864 по 1899 год. М.: Университетская типография, 1900. 88 с.
- Московский зоологический парк: к 140-летию со дня основания. Страницы истории / Под ред. Л. В. Егоровой. М.: Эллис Лак, 2004. 304 с.
- Новиков С.А.* Московский зоопарк за период 1917–1927 гг. М.: Изд-во МКХ, 1928. 30 с.
- Рыклин Г.* Из области зоологической // Известия. 1927. 15 марта. № 61 (2995). С. 5.
- Труды Лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка. 1929. Т. 5.

From a Zoological Garden to a Zoo: The Moscow Zoological Garden in the First Post-October Decade

OLEG P. BELOZEROV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; o.belozero@inbox.ru

The article focuses on the post-revolutionary history of the Moscow Zoological Garden (since 1925 — the Moscow Zoo), one of the oldest Russian scientific institution. The decade after the October Revolution of 1917 was crucial for the garden in many respects. On the one hand, in the first post-revolutionary years it survived a severe shortage of fodder and financial resources and was on the verge of extinction. On the other, the change of the owner (initially a private enterprise of the Imperial Russian Society for the Acclimatization of Animals and Plants in 1919 it became a state-owned institution) opened up for the garden some new possibilities unthinkable earlier. Exactly at that time the garden acquired many modern features: a new name, new territory, new structure. Written on the basis of new archival sources the article broadens our knowledge about how the adaptation of the garden to new political, social, and economic conditions occurred.

Keywords: Moscow Zoological Garden, Moscow Zoo, M.M. Zavadvskii, Laboratory of Experimental Biology, Imperial Russian Society for the Acclimatization of Animals and Plants.